

А. И. ГРИЩЕНКО

К НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЛОВА *РОССИЯНЕ*¹

Слово *россияне*² уже столь привычно для носителей русского языка нач. XXI в. в значении ‘жители (граждане) Российской Федерации’, что, с одной стороны, практически забыта его более ранняя стилистическая синонимия с этнонимом *русские*, так что впору, подобно М. А. Кронгаузу, сокрушаться о «короткой языковой памяти» [Кронгауз 2012: 183—192]; с другой стороны — привычность и распространенность этого слова в указанном значении в современных российских СМИ до сих пор вызывает раздражение в кругах русских националистов и далеко за их пределами.

Сколь бы коротка ни была языковая память, трудно забыть о том, что значение ‘жители (граждане) Российской Федерации’ у слова *россияне* относительно новое, а в широкое употребление оно входит лишь в конце 1980-х гг., когда РСФСР в составе СССР начинает мыслиться как собственно *Россия*, тогда как ранее с Россией ассоциировалась вся советская империя, не говоря уже об империи дореволюционной. Жители обеих империй, особенно советской, за их пределами именовались теми же словами, что и русские, — отсюда и не(до)переводимость на большинство языков мира слова *россияне* (и прилагательного *российский*), ср.: англ. *Russian*, фр. *Russe* (редко *Russien*, извлеченное из более привычных терминов *Grand-Russien*, *Petit-Russien* и *Blanc-Russien*), нем. *Russe* (редко — но

¹ Основные положения настоящей статьи были обсуждены на заседании семинара Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 23 апреля 2012 г. Автор благодарит всех участников семинара за проявленный интерес к данной теме и плодотворное ее обсуждение.

² Форма мн. ч. в качестве основной выбрана нами неслучайно: именно так подаются этнонимы (названия народов) и катойконимы (названия жителей) в некоторых словарях русского языка. В отношении слова *россияне* это более чем резонно, поскольку соответствующие ему сингулятивы формально сложнее: *россиян-ин*, *россиян-ка*. Вопрос о семантических (лексических и грамматических) отношениях между членами данного ряда, а также об их принадлежности к именам собственным остается дискуссионным и не затрагивается в данной статье; слова с основой *россиян-*, обозначающие лицо или совокупность лиц, рассматриваются здесь безотносительно к категории числа и собирательности.

вообразование *Russländer*³), исп. *ruso* и т. д. История слов *россияне*, *российский*, *россы*, *росский* и прочих дериватов византийского имени Руси — Ῥῶς и Ῥωσία — подробно прослежена до начала XIX в. в статье историка и филолога русского зарубежья А. В. Соловьева [Соловьев 1957]. О прилагательном *российский* и, в меньшей степени, о слове *россияне* писал и О. Н. Трубачев, к сожалению, без ссылок на Соловьева, однако с явными намеками на то, что «вытеснение *русского* *российским*» связано с деятельностью масонов в кон. XVIII в. и было остановлено будто бы одним Пушкиным [Трубачев 2005: 232—233] (о других авторах первой трети XIX в., когда *русский* и *русские* сильно теснят слова *российский* и *россияне*, здесь не сообщается), но возобновлено в новейшее время благодаря «недоброй воле» «нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*)» [Там же: 235], когда «оба слова — *россиянин* и *российский* — наделены отчетливой идеологической установкой — вытеснить, заменить слово *русский*. Довольно длительное время вытеснению *русского*, как известно, служило и великолепно использовалось *советское*. Сейчас это прошло, но *русское* восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно создаваемыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять *российский* вместо *русский*» [Там же: 234]. Насколько активным было это «вытеснение» и в каких именно сферах употребления русского языка, мы покажем ниже. Пока же отметим не содержащееся в статьях Соловьева и Трубачева первое из известных употреблений слова *россияне*, зафиксированное в [СлРЯ XI—XVII вв., 22: 218] с неточным толкованием ‘житель России’, без значения ‘русский’⁴, — в «Послании великого господина святейшего Иосифа патриарха московского и всеа Русии к королеву сыну Валдемару графу» (1644, гл. X), написанном Иваном Наседкой:

³ Показательна реакция русского рецензента на соответствующее прилагательное *Russländisch* в современном научном тексте на немецком языке: «Двойственное (а точнее, однозначно негативное) впечатление производит новомодное использование немецкого соответствия *Rußländisch* для перевода прилагательного “Российский”: *Rußländische Staatsbibliothek* (Российская Государственная Библиотека — РГБ), *Rußländischer Staatsarchiv alter Akten* (Российский Государственный Архив древних актов — РГАДА) и др. Традиционным в немецкой научной речи является использование прилагательного *russisch* (в названиях — с заглавной буквы: *Russisch*) для передачи семантики как слова “русский”, так и слова “российский” (в названиях — “Российский”); здесь же в примечании: «Чтобы ощутить разницу между *Russisch* и *Rußländisch*, прошу Ренату Беленчиков оценить, например, такие языковые эксперименты: *die Deutschländische Bank*, *die Deutschländische Mark*, или даже *die deutschländische Wiedervereinigung*» [Максимович 2001: 196].

⁴ Здесь же, двумя статьями выше, прилагательное *российский* адекватно истолковано как ‘русский; относящийся к России’.

[Мартинъ Лютеръ] законы нововымысленные латынскіе писаниемъ обличалъ по дѣломъ ихъ, и тутъ же и насъ, православныхъ росіянь, и з греческими законы истинными, со всѣми утвержденми церковными возненавидѣвъ [Наседка 1892: 132].

Дальнейшая история, вплоть до начала XX в., слов *россияне* и *российский*, конечно, представляет особый интерес и заслуживает отдельного исследования, в частности в рамках исторической акцентологии. *Россияне*, как практически все церковнославянские названия народов и жителей на -'ане, в XVIII в. имело иное ударение, нежели сейчас, что легко выяснить благодаря Акцентологическому подкорпусу Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>, далее — НКРЯ), точнее — благодаря содержащимся в нем русским силлабо-тоническим стихам: так, у М. В. Ломоносова встречается только *россі́яне* (начиная с «Оды на рождение Иоанна III», 1741), то же у Н. Н. Поповского, И. Ф. Богдановича, В. П. Петрова и др.; у А. А. Ржевского в «Оде Петру III на пожалование вольности дворян» (1762) *россі́яне* и *россі́яне*; у раннего Сумарокова — *россі́яне*, позже (в «Хоре Парнасу», 1762—1763) — *россі́яне*; те же колебания наблюдаются у позднего В. И. Майкова, у М. М. Хераскова (при преобладании *россі́яне*), Г. Р. Державина. У Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, П. А. Вяземского, В. Л. и А. С. Пушкиных — уже только *россі́яне*. Последний в НКРЯ случай употребления формы *россі́яне* — у А. А. Бестужева-Марлинского в стихотворении «Михаил Тверской» (1824). Кроме того, дважды встречается ударение *россі́янин* в ед. ч.: у Н. М. Языкова (1826) и Ап. Григорьева (1863).

Что же касается семантики слова *россияне*, то никого иного, кроме как русских, оно и в XVIII, и в XIX в. обозначать не могло, а, будучи лексическим элементом высокого штиля, не отвергнутого, впрочем, Карамзиным, к середине XIX в. практически перестало употребляться. Уникальный пример, на первый взгляд совершенно современный, находим в записке Карамзина Александру I «Мнение русского гражданина» (1819):

Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ [Карамзин 1862: 7—8].

Однако речь здесь идет не столько о гражданском уравнивании поляков с остальными подданными России, сколько об их полной ассимиляции русскими. Кроме того, А. В. Соловьев отметил, что «[и]мя “россиянин” встречается еще, например, у Некрасова, но с оттенком иронии» [Соловьев 1957: 155]. Иронические коннотации вполне естественны для слова, вышедшего из литературного обихода и отдающего стариной «дедовских времен». Устаревший характер слов *россияне* (и *российский* в значении ‘русский’) зафиксирован всеми основными толковыми словарями советского периода, а расхождения в толковании его незначительны: *россі́янин* «(старин. офиц. торж.). Русский, гражданин российский», *россі́йский* «1. То же, что русский в 1 знач. (устар.)» [ТСУ-III: 1387—1388]; *россі́янин*

«*Высок. устар. Русский*» [МАС-III: 969] (то же и в последующих изданиях, включая последнее стереотипное 1999 г.); *россиянин* «*Устар. Русский, российский гражданин*», *российский* «1. *Устар.* То же, что 1. *Русский*» [БАС-ХII: 1472]⁵. В дореволюционные толковые словари названия народов и жителей по сложившейся лексикографической традиции не включались, как имена собственные, исключение составлял разве что словарь П. Е. Стояна, где нет прилагательного *русский*, зато имеется этноним *русские* [Стоян 1916: 516] и интересующие нас слова *россиянин* «житель Российской Империи, русский подданный» и *российский* «отн. ко всей России, русской Империи» [Там же: 513]. Здесь обращает на себя внимание взаимозаменяемость прилагательных *русский* и *российский*: Империя то «российская», то «русская», подданный-россиянин — «русский», но, учитывая толкование слова *российский*, может быть назван и «российским». Отсутствие у Стояна указаний на этническую определенность термина *россияне* (которой нет также в словаре Ушакова и в БАС'е), однако, не свидетельствует о возможности называть «россиянами» нерусских подданных Империи.

Не доверять приведенным лексикографическим данным оснований нет: достаточно обратиться к НКРЯ, чтобы убедиться в том, что со словом *россияне* до 1930-х гг. не встречаются такие контексты, в которых оно могло бы обозначать нерусских жителей России (естественно, малороссы и белорусы также могли быть названы «россиянами», для первых существовал параллельный термин *малороссияне*⁶), тем не менее несколько показательных примеров из НКРЯ привести стоит (курсив ниже наш):

... Тернер находит, что у нас, у *Россиян*, нет достаточно ума, что вообще *русские люди* недостаточно умны, а для того, чтобы увеличить этот ум необходимо побольше пить кофе, а для того, чтобы побольше пили кофе, нужно, чтобы на кофе не было таможенной пошлины (С. Ю. Витте. Воспоминания (1911))⁷;

⁵ Во втором значении 'относящийся к России' красноречивый иллюстративный пример именно на первое значение — из доклада В. И. Ленина на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.: «Резолюция [III конгресса] слишком *русская*: она отражает *российский* опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна» (курсив наш. — А. Г.) [БАС-ХII: 1472—1473].

⁶ Об истории (до 1914 г.) слова *малоросс* и однокоренных ему см. [Котенко и др. 2012].

⁷ Вряд ли Витте, сын принявшего православие остзейского немца и Е. А. Фадеевой, происходившей из княжеского рода Долгоруковых, не считал себя русским; ср. в тех же «Воспоминаниях»: «(...) понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе, как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым Бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам *русским дворянам*, и в особенности русским буржуа...».

Еврей почти всегда лучший работник, чем *русский*, на это глупо злиться, этому надо учиться. И в деле личной наживы, и на арене общественного служения еврей вносит больше страсти, чем многоглаголивый *россиянин* ... (Максим Горький. Несвоевременные мысли (1917—1918));

В этом торопливом бунтарстве без руля и без ветрил, в этой неистовой погоне за немедленной известностью и впрямь сказалась какая-то анархическая сущность нового века и, вместе, *очень национальная черта: страстный безудерж россиянина-самородка, закусившего удила* (С. К. Маковский. На рубежах кубизма (1921)).

«Этническое» (или, наоборот, «гражданское») содержание прилагательного *российский* наиболее ярко проявляется в сочетании со словами *люди (человек), народ, нация, национальность*:

— Лисей, — сказал ему Коростелев, — водки. — Вся, — ответил Лисей, — и достать негде... Ларсон отставил картон и захохотал вдруг, точно дробь стала выбивать: — *Российскому человеку* (Коростелеву. — А. Г.) выпить требуется, — *латыш* говорил с акцентом, — *у российского человека* душа мало-мало разошлась, а тут достать негде... Зачем тогда Волга называется?.. Худая детская шея Коростелева вытянулась, ноги его в холщовых штанах разбросались по полу. Жалобное недоумение отразилось в его глазах, потом они засияли (И. Э. Бабель. Иван-да-Марья (1920—1928));

Этот милый киевский полицейский пристав (...) этот чудной северный комиссар (...) — как не уделить им минуты внимания? Они не менее мне интересны, чем великий князь на спектакле Эрмитажного театра, чем первый министр в дворцовом кабинете, чем главнокомандующий армией в своем подвижном салон-вагоне. *Это такие же российские люди*, такие же *актеры на русской сцене*, хотя и в различных ролях (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932));

Великорусское же племя или вообще, как принято говорить, *российский народ* приобретет только то, что он станет демократией, что на горьком опыте он научится тому, чего у него не было — и государственному смыслу и сознательному отношению к власти» (В. А. Маклаков. В. В. Шульгину 5 марта 1925 г.);

Ученые различают «государственную нацию» от «нации в культурном смысле», а эту последнюю — от «национальности». На наших глазах формируется советская государственная нация, а поскольку исторически и политически *«советизм» есть русская форма, образ «российской» нации*, — вывод напрашивается сам собой... Но «культурно» — оживают «языки, сущие по всей Руси великой» (Н. В. Устрялов. Под знаком революции (1927))⁸.

Ср. употребления того же времени слов *народ, национальность* во мн. ч.:

⁸ Особое внимание обратим на то, что основатель «сменовеховства» Н. В. Устрялов в 1920—1935 гг. жил и работал в Харбине (о «харбинском следе» в истории слова *россияне* см. ниже).

Получившие свободу *мелкие российские национальности*, существующие и выдуманные, действительно не знали никакого удержу и разрывали на части государственный организм (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 4 (1918—1921));

...коршуны буржуазной «общественности», чуя добычу, вились вокруг «хвастунишки» Керенского и вцеплялись в призрак власти *над российскими народами...* (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 5 (1918—1921))⁹;

Угрюмо хранит Гельсингфорс год 1809, год окончательного присоединения Финляндии «к семье российских народов»¹⁰ (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)),

— а также примеры 1990-х гг., в которых словосочетание *российский человек* обозначает уже не только русского:

Главная задача каждого *ненца, как и всякого нормального российского человека*, — не сказать правду о достатке (Василий Голованов. Ненцы идут (1997) // «Столица», 1997.05.13);

Российский человек (независимо от национальности) не потому глуп, что глуп, а потому глуп, что не уважает разум. *Русский человек* силен этическим порывом и слаб в исполнении этических законов (Фазиль Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998).

Итак, до революции слово *россияне* не могло обозначать всех жителей (подданных, граждан) России, поскольку в качестве парного к *россияне* использовался термин *инородцы*, который «в своем первоначальном юридическом значении (...) относился к еще не ассимилированным народам на азиатских границах России», а «к началу XX века он уже обозначал не подпадающие ассимиляции народы всех пограничных территорий» [Слокум 2005: 503]¹¹. От официального использования термина *инородцы* стали отказываться сразу после Февральской революции, а после Октябрьского переворота он какое-то время заменялся также старым термином *туземцы*, затем — *нацменьшинства*, в итоге же различия между полноправными подданными-россиянами и особой категорией инородцев-нероссиян были

⁹ Представления о множественности «российских народов (национальностей)» необходимо в дальнейшем соотнести с историей национального вопроса в России первых лет советской власти, когда разворачивалась бурная деятельность меньшевика Суханова.

¹⁰ Публицистический штамп *семья российских народов / семья народов России* получит более широкое распространение только во втор. пол. XX в., особенно в 1990-е гг.

¹¹ Ср. также обсуждение наряду со словом *инородцы* термина *туземцы* [Бобровников 2012] и классификацию кон. XIX в., где сам термин *инородцы* определяется следующим образом: «...название это въ обширномъ смыслѣ слова дается всѣмъ русскимъ [*не российскимъ!* — А. Г.] подданнымъ не-славянскаго племени» [Яновский 1894: 224].

стерты: основные категории инородцев были расклассифицированы по нациям и уравнены с русскими под общим именем *советский народ*¹² (*новая историческая общность* [Гусейнов 2003: 789; Мокиенко, Никитина 2005: 250]); очень редко, окказионально, допускались и новообразования типа *советяне* — по образцу того же *россияне*, напр.:

Мы — граждане великого Советского Союза, советяне! С гордостью говорим мы об этой своей общности — новой исторической общности людей [Звезда 1972];

Был случай, когда студент-эстонец на вопрос о его национальной принадлежности ответил: советянин [Маамяги 1976: 199].

Ср. диссидентско-ироническое употребление в эссе М. Н. Эпштейна «Блуд труда» (1979):

Советянин, потомок россиянина, трудолюбив, много и охотно трудится (курсив автора. — А. Г.) [Эпштейн 2005: 123].

Если в СССР *россияне* не использовалось для обозначения всех жителей страны¹³, дабы не сводить на нет активное нациестроительство в союзных и автономных республиках, объединяя формирующиеся советские нации/национальности под именем имперского народа-суверена, — то для авторов русского зарубежья, у которых деление на россиян ('русских') и инородцев также перестало быть актуальным, называть термином *советский народ* как оставшихся в России (СССР, Совдепии), так и, конечно, покинувших ее пределы жителей было невозможно, — так что именно в русской речи эмигрантов сначала первой, а затем и последующих волн слово *россияне* стало обозначать практически все (об исключениях — ниже) народы бывшей Российской империи, оставшиеся в составе СССР, а не только РСФСР.

Самые ранние из известных нам употреблений слова *россияне* в этом значении принадлежат председателю Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) — генералу А. П. Кутепову (речь на собрании представителей по-

¹² Самые ранние, и редкие, примеры употребления в НКРЯ — в произведениях М. С. Шагинян 1920-х гг., устойчивым данное словосочетание становится, видимо, лишь в 1930-е гг.

¹³ Однако некоторый смысл, впоследствии легший в основу современного употребления, имело обозначение термином *россияне* всех жителей РСФСР, особенно нерусских, ср. яркий пример из хрестоматийного стихотворения советского классика башкирской литературы Мустая Карима «Я — россиянин» 1950-х гг. (в переводе М. Дудина): «Не русский я, но россиянин» [Карим 1972]. Примечательно, что, кроме «русского брата» (а также «спутника», «застольника», «соратника», «сомогильника»), иные народы упоминаются здесь лишь обобщенно, и то в связи с русскими: «Ты мой народ, для радости народа, // С народами другими породнил», — так что вопрос о том, кого еще включать в состав россиян, в рамках этого стихотворения не прояснен.

литических и общественных организаций 12 мая 1929 г. в передаче его советника — С. Е. Трубецкого):

Я самъ великороссъ, но я считаю не только неправильнымъ, но и вреднымъ съ государственной точки зрѣнія, когда кличь — «Россія для русскихъ» — понимается, какъ — Россія для великороссовъ. Россія — не только Великороссія и даже не только — Великая, Малая и Бѣлая Русь — в сѣ народы, населяющіе ее, безъ исключенія, ея дѣти. Среди нихъ не должно быть пасынковъ. Не поглощенія русскимъ племенемъ требуетъ Россія отъ своихъ сыновъ, а любви къ общей Матери. Россія не требуетъ того, чтобы грузинъ или татаринъ отказались отъ своей национальной культуры, она не стремится къ обезличиванію своихъ дѣтей.

Въ нашемъ богатомъ языкѣ, къ сожалѣнію, утратилось одно слово: «Россіянинъ», а между тѣмъ это слово нужно и даже необходимо — оно шире, чѣмъ слово «Русскій». Всѣ народы, населяющіе Россію, независимо отъ ихъ национальности, прежде всего — Россіяне.

Я вѣрю, что освобожденная и возрожденная Россія будетъ именно — Россія для Россіянь! (разрядка автора. — А. Г.) [Трубецкой 1934: 315].

Лозунг «Россія для Россіянь!» былъ подхваченъ деятелями Всероссийской фашистской партіи (далее ВФП, Харбин, 1930-е — 1940-е гг.), которые в 1936 г. заменили имъ старый черносотенный «Россія для Русскихъ!». Авторство нового лозунга приписывалось, однако, не А. П. Кутепову, а другому белому генералу — В. В. Рычкову, председателю Бюро по деламъ российскихъ эмигрантовъ в Маньчжурской Имперіи [Родзаевскій 1937]. Впрочем, сначала подъ россиянами подразумевались еще исключительно русские:

На территоріи Россіи долженъ процвѣтать свободный Русскій труд, а не крѣпостное право Русскихъ трудящихся, эксплуатируемое для еврейскихъ паразитов. Однимъ словомъ: РОССІЯ ДЛЯ РОССІЯН!

... — «Россія для Россіянь!» — развѣ это не самый лучший лозунг, не самая лучшая программа, в трехъ словахъ рисующая увлекательнѣйшую картину Русской силы, Русской мощи, Русскаго благополучія и благосостоянія? [Родзаевскій 1936а: 3].

К новому пониманію термина *россияне* русские фашисты пришли не сразу, начавъ с возвеличиванія исключительно русского народа, къ которому и относилось прилагательное *российскій*, в т. ч. и в составе словосочетанія *российская нація*:

Всѣ перечисленныя особенности Россійскаго Фашизма явно накладываютъ на него истинно-національный отпечатокъ — какъ в свѣтъ прошлаго, такъ и в свѣтъ настоящаго, добавляютъ ему русскую специфичность, сто-процентную Русскость, почему мы с полнымъ убѣжденіемъ и с гордостью называемъ нашъ Фашизмъ — движеніемъ глубоко національнымъ.

В современныхъ формахъ Россійскій Фашизм, проводимый в жизнь Всероссийской Фашистской Партіей, — рѣшаетъ задачу историческихъ исканій русского народа, создавая Государство Россійской Націи — на гранитномъ фундаментѣ завѣтовъ родной исторіи [Иванов 1936: 6].

В том же 1936 г. глава ВФП К. В. Родзаевский пишет уже о «народах России» — во мн. ч., что в дальнейшем приведет к признанию полиэтнического состава уже россиян:

И народы Россіи раздѣляют участь народов Ассиріи и Вавилона, погибших в еврейском плѣну [а не наоборот! — *А. Г.*], и наши дѣвушки и женщины будут служить для развлечения упитанных сластолюбивых жидовских свиней ... [Родзаевский 1936б: 3].

Наконец, в самом начале 1937 г. Родзаевский, видимо вдохновленный опубликованной Трубецким речью ген. Кутепова, заявляет уже вполне определенно:

В полном соответствии с нашим учением о **Россійской Націи, как об историческом сплавѣ всѣх народов Россіи**, мы выбросили лозунг «Россия для Россіян», подразумевая под «Россіянами» — всѣ народы нашей необъятной быоущейся в красных тисках, великой страны. (...) каждый народ Россіи — великороссы, малороссы, украинцы, бѣлороссы, татары, грузины, армяне и множество мелких — участвуют в общем дѣлѣ — в борьбѣ с іудо-Коминтерном и в грядущем строительствѣ — общей Родины (выделено автором. — *А. Г.*) [Родзаевский 1937].

Единственный народ, которому русские фашисты отказывали в праве быть россиянами, — это, конечно же, евреи.

Не все соратники Родзаевского сразу утвердились в употреблении слова *россияне* с новым значением, ср. используемую полуанонимным автором номинацию *настоящий россиянин*, при помощи которой русские все еще противопоставлены иным народам России, при этом харбинский фашист наблюдает чаемую трансформацию «русской нации» в «российскую» при сохранении множественности «народов России» (а не одного «народа»):

Грузин или армянин — или же совсѣм отличный по крови и происхождению от великоросса — татарин — безконечно ближе настоящему Россіянину, чѣм далекій по вѣрѣ и исторіи чех или словак: — народы, соединившіе с Русской Націей свою историческую судьбу — связаны с нами неразрывными канатами духовнаго единенія в одну Націю, — в то время как западные славяне, оторванные от восточных совсѣм другой судьбой, имѣют свое собственное национальное бытіе.

(...) Перед нами, Русскими — также собственная историческая дорога — дорога не Славизма, а Россизма: — забота о своих, Русских, экспансія не во внѣ, а внутрь, не расширение, а освоение безграничных возможностей той части Европы и той части Азіи, которые представляют наслѣдіе наших отцов и дѣдов — необъятную прекрасную Россію — общій Отчій Дом — Отчизну ея народов, соединившихся в самую молодую, а потому и жизнеспособную и торжествующую Націю нашего времени — Націю Россійскую. **Сдѣлать Россіянина — дѣйствительным хозяином единственной в мірѣ страны — создать дѣйствительную свѣтлую Русскую жизнь — вот наша дѣйствительная историческая миссія — и ей, только ей, должны мы отдать всѣ свои силы** (выделено автором. — *А. Г.*) [Ф-ов 1938].

И сам Родзаевский не был уверен в предлагаемых им дефинициях терминов *россияне*, *российская нация* и др.:

Что такое Нація? Нація и Родина? Нація и народ? Что такое Русская Нація, Нація Россійская, взаимоотношенія между ними? Когда возникла Русская Нація, когда она развернулась в Націю Россійскую? *Грузин и татарин — члены Русской Націи или Россійской Націи или чужіе, или иностранцы?* На всѣ эти вопросы надо дать ясные, толковые отвѣты! (курсив наш. — А. Г.) [Родзаевский 1938а],

но продолжал агитировать:

Но вот что должен понять каждый Россіянин, гдѣ бы он ни находился и чѣм бы ни занимался:

— **Россійская Нація — эта родная наша яркая и своеобразная солнечная система 147 народов с русским народом во главѣ...** (выделено автором. — А. Г.) [Родзаевский 1938б].

Самый ранний в НКРЯ (но несколько сомнительный) пример употребления слова *россияне* в новом значении также принадлежит эмигранту — А. И. Деникину, пересказывающему статью бывшего русского генерала Э. Г. фон Валя из журнала «Contemporary Russia»:

Съ паденіемъ монархіи 144 народа Россіи перестали считать себя россиянами и, «испытавъ гнѣть царей и иго коммунизма» никогда не подчинятся вновь Россіи [Деникин 1939: 26]¹⁴.

Тот же смысл в слово *россияне* вкладывался и участниками Русской освободительной армии (РОА) — власовцами, чьим гимном была песня Георгия Полошкина (Поэе) «Мы — русские!» с таким куплетом:

„Мы — россияне. Крепок наш союз.
„Сплотим Россию в грозный час расплаты!
„Казак (sic! — А. Г.), узбек, украинец, тунгуз (sic! — А. Г.), —
„Все — добровольцы. Храбрые солдаты!
„Мы — русские!... [Ган 1943]¹⁵.

Кто здесь *казак*, не совсем понятно, потому что под этим именем в то время мог иметься в виду и казах¹⁶. *Тунгус*, как и вообще сам принцип этнонимического списка, — родом из пушкинского «И назовет меня всяк сущий в ней язык...». О том, что даже среди единомышленников По-

¹⁴ Статья самого Валя нами пока не найдена. Как соотносятся между собой данные о 147 (у Родзаевского) и 144 «народах России», также остается загадкой.

¹⁵ Приносим свою благодарность С. В. Наумову, который обратил наше внимание на эту публикацию.

¹⁶ В официальной советской номенклатуре этноним *казак* использовался с 1925 г., а в 1936 г. был заменен на *казах* [Благова 1970: 154—155]. Эмигранты и не сведущие в хитросплетениях советской национальной политики жители СССР могли и не поспевать за непрекращающейся чехардой переименований.

лошкина *россияне* еще продолжало быть синонимом слова *русские*, свидетельствует заметка некоего Гана, по которой мы и цитируем строки гимна РОА:

Крепкое внутреннее единение сплавляет всех солдат Русской Освободительной Армии. Все они прежде всего русские, и этим гордятся. Недаром в одной из лучших песен Освободительных Армий поется ...

— и далее именно тот самый куплет, где русские заменены на россиян. Кроме того, по всей видимости, в рукописных копиях этой песни, изъятых у захваченных в советский плен власовцев, происходила обратная замена:

Мы русские, крепок наш союз, сплотим Россию в грозный час расплаты!
Казах, узбек, татарин и тунгус — все добровольцы, храбрые солдаты! [Ковалев 2009: 213] (примечательна также замена слова *казак* на *казах*).

А вот что уже после войны писал философ русского зарубежья С. А. Левицкий, активный деятель Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС):

...Россия есть исторический наднациональный организм, во многом аналогичный государственному единству Соединенных Штатов Америки. (Поэтому и украинец, и белорус, и даже грузин или татарин могут, не теряя своего национального лица, быть россиянином.) [Левицкий 1952: 6]¹⁷.

Несомненный интерес представляет употребление слова *россияне* в сочинениях других политических объединений Русского Зарубежья, например у конкурировавших с ВФП младороссов или у русских фашистов А. А. Вонсяцкого, главы Всероссийской фашистской организации (ВФО), находившегося в непростых отношениях с К. В. Родзаевским, а также у деятелей довоенного НТС — Национального союза русской молодежи. К сожалению, публицистика, создававшаяся в рамках данных идеологических течений, нами пока не изучена, однако для полноты истории слова *россияне* в русской эмиграции сделать это совершенно необходимо.

В метрополии тот же семантический сдвиг в употреблении интересующего нас слова произошел, по всей видимости, в кон. 1980-х — нач. 1990-х гг., однако, ввиду не очень высокой частотности, момент его массового вхождения в русскую речь в новом значении проследить довольно трудно. Релевантные контексты в НКРЯ датируются 1990-ми гг., а наиболее ранний из соответствующих примеров известен нам по словарю названий жителей:

С Ф. В. Шульцем мы ровесники и земляки. Я русский, он россиянин. Он родился на Волге, я провел там детство (Литературная газета. 1989. № 41) [Городецкая, Левашов 2003: 247].

Чуть более поздний находим в словаре новой лексики:

¹⁷ В современном переиздании последнее слово отредактировано: «... быть россиянами» [Левицкий 2003: 301].

Нас всех волнует духовное возрождение россиян, культуры, искусства России во всем ее национальном многообразии (Аргументы и факты. 1991. № 5) [ТСРЯ-ЯИ 1998: 549]¹⁸.

Однако в том же 1989 г., на десятом заседании Первого Съезда народных депутатов СССР 6 июня, писатель-деревенщик В. Г. Распутин употребляет слово *россияне* еще в старом значении ‘русские’:

Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья [Распутин 1989: 458].

Существует также мнение, что

[Т]ермин этот тогда воспринимался как новый, в нем выражалась имперская идеология в противовес антигосударственной политике «демократов», в нем выражался патриотизм государственников, который, конечно же, спорил с русофобией широко распространенной тогда /и распространяемой/ в общественном сознании [Крылов 1998].

Последний семантический виток, произошедший со словом *россияне* на излете XX в., нельзя квалифицировать иначе как этантиосемия: в современной русской речи, особенно разговорной, оно стало обозначать не просто нерусских граждан России, а даже и вовсе не «русско-культурных». Эту этантиосемию, даже датировав ее появление началом Первой чеченской войны, отмечал Г. Ч. Гусейнов: «Если в советское время россиянин и русский — это почти синонимы, то к концу 1994 года термин россиянин подчеркивает уже скорее не русскую этническую принадлежность» [Гусейнов 2003: 468], ср. высказывание националистически настроенного русского философа — лидера «археоавангарда»:

Мне скажут, что Россия не для русских, а для россиян. Я в ответ могу только засмеяться. Даже мой сосед, сдающий квартиру внаем, хорошо знает различие между русским и россиянином. Пусть попробует россиянин снять квартиру у моего соседа, и я сразу скажу, что у него ничего не получится. Потому что под словом россиянин скрывается нерусский. И это все знают [Гиренок 2011].

Благодаря значению ‘нерусский житель (гражданин) России’ на базе слова *россияне* в русской речи Интернета возникают такие неологизмы, как *кавказороссияне*, *тожероссияне*, *чеченороссияне* и т. п. — одни из

¹⁸ Тот же пример в последующих изданиях. Однако возможность прочтения в данном контексте слова *россияне* как ‘русские’ все же остается. Другой, еще более сомнительный пример («*Насилие над законностью, над народом Прибалтики породит новые серьезные кризисные явления и в самой России, и в положении россиян, проживающих в других республиках, в том числе прибалтийских*. АиФ, 1991, 3») и разделение на два отдельных значения («1. Жители России; граждане России» и «2. Люди, родившиеся в России; имеющие российское гражданство») [ТСРЯ-ЯИ 1998: 549] сняты в последующих изданиях [2001, 2005: 680].

многих лексических новообразований, потенциальных и окказиональных, которые стали появляться с 1990-х гг. в связи с резко возросшей употребительностью новых-старых слов *россияне* и *российский*.

Как бы то ни было, их история в XX в. досконально еще не изучена, поэтому наши наблюдения над ней носят пока только предварительный характер. Что же касается частоты и сфер употребления данных слов (безотносительно к значениям), то о ее изменении на протяжении последних ста лет можно сделать куда более достоверные выводы благодаря современным техническим возможностям. Так, нами проанализирована частотность слова *россияне* и возможных его дериватов (о которых ниже) в НКРЯ (Основной корпус) с 1911 по 2011 г.: для каждого десятилетия (с 1980-х гг. контрольные периоды были сокращены) нами был высчитан частотный коэффициент слов с основой *россиян-* — частное от деления количества вхождений в данный временной промежуток (без точного соответствия, т. е. одни и те же словоупотребления могли попадать в несколько промежутков из-за широкой датировки документа) на общий объем хронологически ограниченного подкорпуса (минимальный объем — 5 847 584 слова для периода 2006—2011 гг.; максимальный — 45 859 571 слово для 2001—2006 гг.). Получившиеся результаты представлены в виде графика (*рис. 1*), на вертикальной оси которого отложен частотный коэффициент, а горизонтальная ось — временная. В качестве контрольной кривой на *рис. 2* представлено изменение частотности словоформы *россияне*¹⁹ с 1911 по 2008 гг. с шагом в один год, автоматически вычисленное системой «Google Books Ngram Viewer» (на основе проекта «Google Books», в котором собраны сканированные копии печатных изданий, в т. ч. на русском языке: <http://books.google.com/ngrams>). Из сопоставления обеих кривых явствует, что, несмотря на принципиальную разницу в составе и структуре НКРЯ и проекта «Google Books», а также на разную степень точности расчетов, точки перегиба и скачки в обоих графиках в целом совпадают, а значит, общая картина близка к объективной (и, конечно, коррелирует с нашими субъективными наблюдениями среди носителей русского языка): действительно, явный рост употребления слова *россияне* (безотносительно к значениям) наблюдается в 1990-е гг., новый резкий скачок приходится на первую половину 2000-х гг., а затем наблюдается некоторый спад. В итоге, как свидетельствуют данные уже другой информационной системы, «[O]бобщающая лексема *россияне* (*россиянин, россиянка*), призванная детерминировать коллективную идентичность в рамках суперэтноса, по данным Интегрума [крупнейшего в России архива информации из открытых источников: <http://www.integrum.ru/> — А. Г.], входит во вторую тысячу десятипятитысячного списка частотных слов современного русского языка наряду с такими лексемами, как *родина, нефтяной, читать, правоохранный* и др. Это свидетельствует о безусловном переходе слова из пассивного запаса словаря в активный» [Вепрева, Купина 2007: 124].

¹⁹ Учет всех словоформ одновременно, как в НКРЯ, в данной системе невозможен.

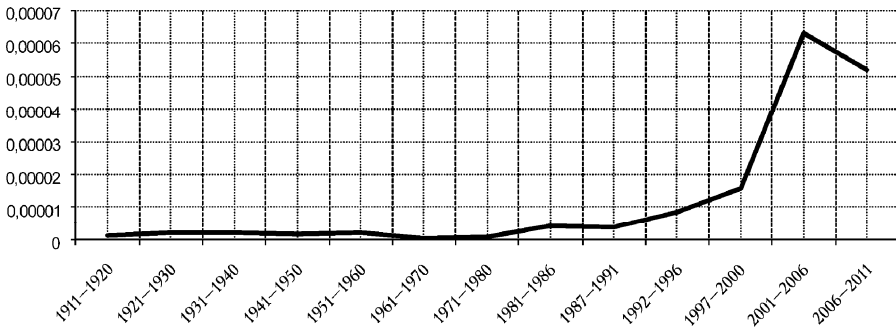

Рис. 1. Частотность слов с основой *россиян-* с 1911 по 2011 гг. (НКРЯ, Основной корпус)

Рис. 2. Частотность словоформы *россияне* с 1911 по 2008 гг. (Ngram Viewer)

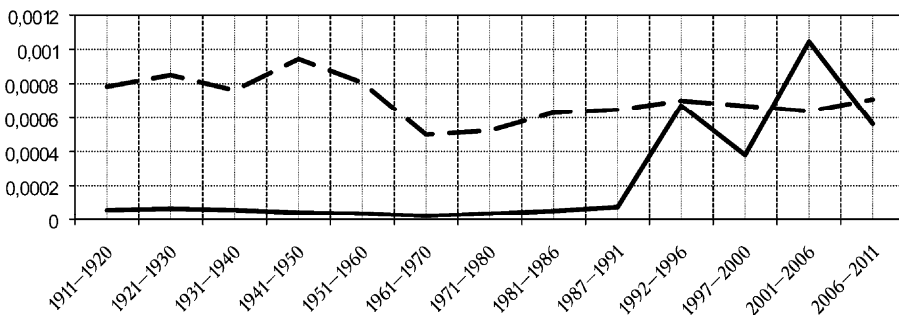

Рис. 3. Частотность слов с основами *россиян-* и *российск-* (сплошная линия) в сопоставлении с частотностью слов с основой *русск-* (пунктир) с 1911 по 2011 гг. (НКРЯ, Основной корпус)

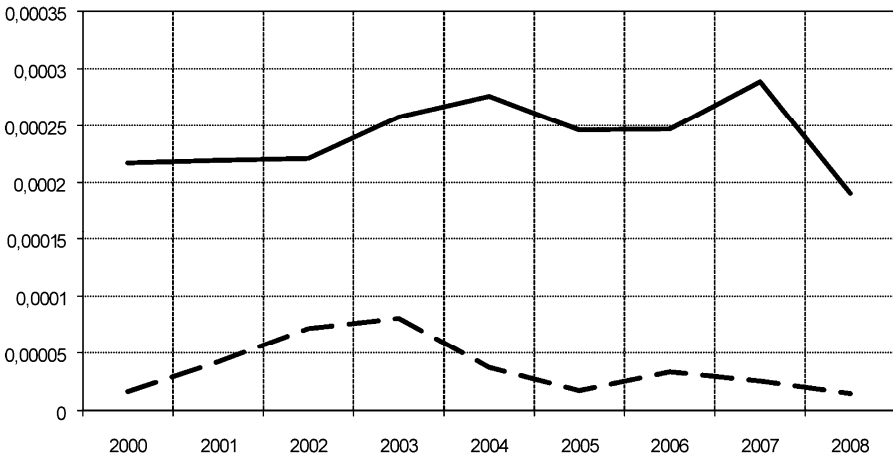

Рис. 4. Частотность слов с основой *россиян-* с 2000 по 2008 гг. в Газетном подкорпусе НКРЯ (сплошная линия) и в Основном корпусе (пунктир)

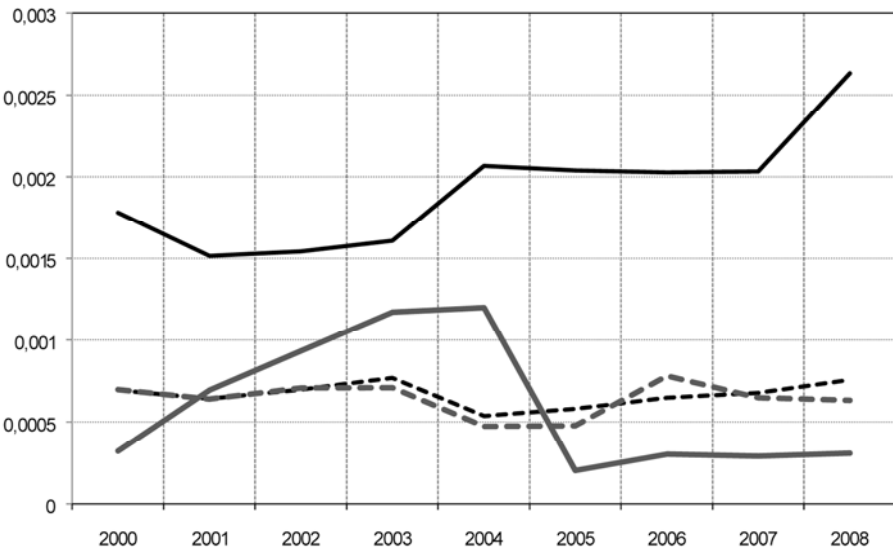

Рис. 5 *россиян-* и *российск-русск-*
 Газетный подкорпус НКРЯ Основной корпус НКРЯ
 ————— —————
 - - - - - - - - - -

Чтобы верифицировать достоверность суждений О. Н. Трубачева о «вытеснении *русского* *российским*», необходим уже сравнительный частотный анализ, при этом общая частота слов, начинающихся с *русск-* (включая как этноним *русские* и прилагательное *русский*, неразличимые в НКРЯ даже в подкорпусе со снятой омонимией, так и все многочисленные композиты с первым элементом *русско-*), должна соотноситься с частотой слов не только на *российск-*, но и на *россиян-* (в НКРЯ *россияне* — мн. ч. от *россиянин*, а *россиянка* отнесено к отдельной лемме), поскольку этнониму *русские* нет соответствия среди слов на *российск-*. Результаты такого анализа, также с 1911 по 2011 г., представлены на особом графике (рис. 3), по которому видно, что суммарная частота «российского» и «россиян» приближается к частоте «русского» в период 1992—1996 гг., затем после значительного спада в 1997—2000 гг. превышает ее в 2001—2006 гг. и для текущего периода, и даже для максимума всего рассмотренного столетия — в 1940-е гг. (который, по всей видимости, связан с актуализацией всего «русского» в годы Великой Отечественной войны)²⁰, так что если судить по всему многообразию сфер употребления русского языка, представленному в Основном корпусе НКРЯ, то утверждение Трубачева (высказанное в 2001 г., сам академик скончался в 2002 г.) оказалось скорее прогнозирующим, нежели констатирующим положение речевой действительности. Однако оценить последнюю во всем объеме без привлечения корпусных методов исследования весьма затруднительно даже гениальному лингвисту, коим и был Трубачев, поэтому выводы его, скорее всего, были основаны на наблюдениях преимущественно над языком СМИ, который в употреблении слов *россияне* / *российский* и *русские* / *русский* значительно контрастирует со среднеязыковым узусом. Так, например, средняя частота употребления слов с основой *россиян-* в печатных и электронных СМИ за 2000—2008 гг. (в рамках Газетного подкорпуса НКРЯ) превышает аналогичный показатель Основного корпуса в 4,6 раза (динамику частотности см. на рис. 4). Для того же периода 2000—2008 гг. нами составлен еще один сопоставительный частотный график (рис. 5), по которому можно проследить динамику и соотносительность частот «российского» с «россиянами», с одной стороны, и «русского» — с другой, в среднеязыковом узусе (Основной подкорпус НКРЯ) и в речи СМИ (Газетный подкорпус НКРЯ). И здесь картина оказывается примерно та же: частотный разрыв в речи СМИ стабильно и в среднем существенно выше аналогичного (наблюдавшегося лишь в 2001—2004 гг.) в среднеязыковом узусе. Все это значит, что *россияне* и *российский* в ущерб «русскому» употребляются в основном только в СМИ. Наконец, на весь Устный подкорпус НКРЯ за 2000—2008 гг. после исключения из него текстов устной публичной речи,

²⁰ Предыдущий частотный всплеск «русского», превышавший тот, что наблюдается в 1940-е гг., приходится на промежуток 1901—1910 гг., исторический максимум — на 1870-е гг.

которая представлена преимущественно теми же СМИ, только звучащими, приходится всего два (из 1 329 107 словоформ!) употребления слова *россияне*, 50 — прилагательного *российский*, 445 — слов, начинающихся с *русск-*.

Кроме того, «россиянизация»²¹ СМИ удивительным образом контрастирует с тем, что в действующем российском законодательстве²² слово *россияне* не выступает в качестве термина и вовсе не используется в Конституции РФ, в кодексах, а из федеральных законов упомянуто лишь в одном — «О днях воинской славы и памятных датах России» (№ 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. в редакции Федерального закона № 320-ФЗ от 29 ноября 2010 г.) — как часть названия памятной даты «15 февраля — День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества». В источниках права более низкого уровня (подзаконных актах) слово *россияне* иногда используется, например в семи указах президента РФ, шесть из которых подписаны Б. Н. Ельциным и только один Д. А. Медведевым, поэтому неудивительно, что оно прочно ассоциируется с именем первого. В некоторых подзаконных актах слово *россияне* оказывается синонимичным термину *соотечественники*:

Новая Россия открыла возможность *соотечественникам* — жертвам исторических потрясений и репрессий и их потомкам при желании восстановить российское гражданство и вернуться на историческую родину. Россия благодарна правительствам и народам стран, давшим *россиянам* приют и возможность сохранить родной язык и национально-культурную самобытность (Постановление Правительства РФ от 31.08.1994 № 1064 (ред. от 24.02.1999) «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом»; курсив наш. — А. Г.).

Итак, слово *россияне* на всем протяжении своей истории обладало и в разной степени продолжает обладать четырьмя значениями, причем семантические сдвиги происходили исключительно в новейшее время:

1) с XVII в. до 1920-х — 1930-х гг. ‘то же, что русские’ (в России, затем в СССР и в русском зарубежье), до кон. 1980-х гг. ‘то же, что русские’ (в пассивном употреблении в качестве устаревшего слова авторами СССР);

2) с 1930-х гг. ‘все жители СССР независимо от их этнического происхождения’ (только у эмигрантских публицистов РОВС, ВФП, НТС; единственное известное нам исключение — стихотворение М. Карима «Я — рос-

²¹ Реально существующий неологизм, встречающийся не только в интернет-коммуникации, но и в печатных изданиях, в т. ч. в рамках научного (или наукоподобного) дискурса, напр.: «В условиях, когда в России чрезвычайно малопродуктивны усилия по россиянизации населения и, напротив, совершенно очевидны и пока неразрешимы межэтнические противоречия, приводящие к обострению конфликтов на почве этнической и расовой нетерпимости, этнокультурная идентичность остается весьма актуальной темой» [Амологонова 2008: 85].

²² Поиск проводился по базам данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (<http://www.consultant.ru/>).

сиянин», в котором денотат мог быть значительно уже: ‘все жители РСФСР независимо от их этнического происхождения’);

3) с кон. 1980-х гг. ‘все жители РСФСР (затем граждане РФ) независимо от их этнического происхождения’ (в позднее советское и постсоветское время; основная сфера употребления — официальная пропаганда через СМИ);

4) с 1994 г. (по Г. Ч. Гусейнову) ‘все нерусские жители (граждане) РФ’ (предположительно только в речи жителей России, точных данных об использовании за ее пределами нет; основная сфера употребления — устная неофициальная речь, интернет-коммуникация).

Схожие семантические преобразования коснулись и прилагательного *российский*, которое, впрочем, изначально имело более широкое значение.

В конце XX в. со словами *россияне* и *российский* произошли не только качественные, но и количественные изменения. Резко возросла их частотность, которая, с одной стороны, затрудняет анализ семантики и прагматики в современной русской речи, для которого теперь необходимо обрабатывать значительные массивы контекстов, с другой стороны — подсказывает иные аспекты изучения их активности (в особенности более лабильного слова *россияне*), связанные, во-первых, с лексическими новообразованиями на базе основы *россиян-*, во-вторых, с его синтагматикой, прежде всего в составе атрибутивных словосочетаний разной степени устойчивости, идиоматичности и употребительности. Но это уже предмет отдельного большого исследования.

Литература и источники

Амологонова 2008 — Д. Д. А м о л о г о н о в а. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ, 2008.

БАС-ХП — Словарь современного русского литературного языка. Т. XII: Р / АН СССР; Ин-т русского языка. М.; Л., 1961.

Благова 1970 — Г. Ф. Б л а г о в а. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 143—159.

Бобровников 2012 — В. О. Б о б р о в н и к о в. Что вышло из проектов создания в России *инородцев?* (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 259—291.

Вепрева, Купина 2007 — И. Т. В е п р е в а, Н. А. К у п и н а. Русские / россияне // Рус. яз. за рубежом. 2007. № 1. С. 121—124.

Ган 1943 — Б. Г а н. О Русском Освободительном Движении // Русское дело. Еженедельная русская газета. Белград. Воскресенье 6 июня 1943 г. № 1. С. 3.

Гиренок 2011 — Ф. И. Г и р е н о к. Семь дней в Париже // Завтра. № 30 (923). 27 июля 2011 г.

Городецкая, Левашов 2003 — И. Л. Г о р о д е ц к а я, Е. А. Л е в а ш о в. Русские названия жителей: Словарь-справочник / Под ред. Е. А. Левашова. М., 2003.

Гусейнов 2003 — Г. Ч. Гусейнов, Д. С. П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М., 2003.

Деникин 1939 — А. И. Деникинъ. Мировыя событія и русскій вопросъ. Парижъ, 1939.

Звезда 1972 — (От редакции.) Мы — советяне! // Звезда. 1972. № 12. С. 7.

Иванов 1936 — Н. Иванов. Россійскій Фашизм — глубоко національное движеніе // Нація (журнал). 1936. № 1 (январь). С. 4—6.

Карамзин 1862 — Н. М. Карамзинъ. Неизданныя сочиненія и переписка. Ч. I. СПб., 1862.

Карим 1972 — М. Карим. Я — россиянин (пер. с башкирского М. Дудина) // Нева. 1972. № 12. С. 132.

Ковалев 2009 — Б. Н. Ковалев. Коллаборационизм в России в 1941—1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

Котенко и др. 2012 — А. Л. Котенко, О. В. Мартынюк, А. И. Миллер. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 392—443.

Кронгауз 2012 — М. А. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. 3Д. М., 2012.

Крылов 1998 — К. А. Крылов. Россияне и русские. К постановке проблемы. 1998 // Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» [электронный ресурс; режим доступа: <http://www.archipelag.ru/>].

Левицкий 1952 — С. А. Левицкий. Наше идеологическое лицо // Посев. 10 августа 1952 г. № 32 (323).

Левицкий 2003 — С. А. Левицкий. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме / Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М., 2003.

Маамяги 1976 — В. Маамяги. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг). Таллин, 1976.

Максимович 2001 — К. А. Максимович. Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Рус. яз. в науч. осв. 2001. № 2. С. 191—224.

МАС-III — Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. III: П—Р. М., 1959.

Мокиенко, Никитина 2005 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. 2-е изд. М., 2005.

Наседка 1892 — (Иванъ Насѣдка.) Посланіе великаго господина святѣйшаго Юсифа патріарха московскаго и всеа Русіи къ королеву сыну Валдемару графу (1644 г., изд. А. Голубцовымъ) // Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1892, Кн. 2 (161), Отд. II. С. 111—154.

Распутин 1989 — В. Г. Распутин. (Выступление на прениях по вопросу об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР) // Первый Съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1989. С. 453—461.

Родзаевский 1936а — К. Родзаевскій. Против еврейскаго фашизма в СССР — наш Россійскій Фашизм ВФП // Нація (журнал). 1936. № 2 (февраль).

Родзаевский 1936б — К. Родзаевскій. Уроки октября // Нація (журнал). 1936. № 11 (ноябрь).

Родзаевский 1937 — К. В. Родзаевский. «Россия для Россиян!»: Декларативные заявления Главы ВФП // Наш путь (газета). Харбин. 1 Января 1937 г. № 1 (1109). С. 7.

Родзаевский 1938а — К. Родзаевский. Вслѣд за политической критикой — национальное самоутверждение! // Нація (газета). 20 дек. 1938 г. № 22. С. 7.

Родзаевский 1938б — К. В. Родзаевский. Смысл нашей борьбы // Нація (газета). 1 сент. 1938 г. № 11. С. 1.

Слокум 2005 — Дж. У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи (пер. с англ. Н. Бодягиной) // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верг, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 502—531 [оригинал: J. W. Sloum. Who, and when, where the *Inorodtsy*? The Evolution of the category of «Aliens» in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 173—190].

СлРЯ XI—XVII вв., 22 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться—Рященко) / Гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1997.

Соловьев 1957 — А. В. Соловьев. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 134—155.

Стоян 1916 — П. Е. Стоянъ. Малый толковый словарь русскаго языка. 3-е изд. Пг., 1916.

Трубачев 2005 — О. Н. Трубачев. Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Он же. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 225—236.

Трубецкой 1934 — С. Трубецкой. Генераль Кутеповъ (Материалы для биографин) (Май 1933 г., Парижъ) // Генераль Кутеповъ: Сборникъ статей. Парижъ, 1934. С. 308—317.

ТСРЯ-ЯИ 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складерской / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб., 1998.

ТСРЯ-ЯИ 2001, 2005 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складерской / Ин-т лингвистических исследований РАН. М., 2001 [стер. изд. — 2005].

ТСУ-III — Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. III. П—Ряшка. М., 1939.

Ф-ов 1938 — Ф-ов. Не славизм, а Російскій Націоналізм (еще об исторических миссиях России) // Нація (газета). 10 дек. 1938 г., № 21. С. 7.

Эпштейн 2005 — М. Н. Эпштейн. Все эссе: В 2 тт. Т. I: В России. Екатеринбург, 2005.

Яновский 1894 — А. Яновский. Инородцы // Энциклопедический Словарь (Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона). Т. XIII. Имидозеиры — Историческая школа. СПб., 1894. С. 224—225.

A. I. GRISHCHENKO

ON THE CONTEMPORARY HISTORY OF THE RUSSIAN WORD *ROSSIYANE*

The paper preliminarily reviews the history of the Russian word *rossiyane* (that has no exact translation into English) concerning mainly the 20th c., although several curious

cases of its usage beginning from 17th c. are included as well. Before the Russian Revolution *rossiyane* was synonymous with the ethnonym *russkiye* 'ethnic Russians; East Slavic ethnic group native to Russia', but expressive and marked as bookish and poetical form. Its new meaning 'citizens or inhabitants of the Russian Federation' appeared for the first time in the political essays the Russian émigré authors from the late 1920s, and then it spread in some émigré political movements, specifically among the Russian fascists in Harbin. In the homeland such semantic change took place in the late 1980s and early 1990s, when the words *rossiyane* and *rossiyskiy* 'of or pertaining to the Russian Federation' began to replace the ethnonym *russkiye* and the adjective *russkiy*.

The paper also contains statistical diagrams compiled on the basis of the Russian National Corpus data.

Keywords: word history, political linguistics, ethnonyms, inhabitants names, semantic changes, enantiosemy.